

Часть первая

ВНЕЗАПНОСТЬ – КАК УДАР ДУБИНОЙ

— А вот и я! Здравсьте!

Зоя Артемовна никогда не понимала выражения «отвисла челюсть», разного рода вульгáрисы она терпеть не могла ни в поведении, ни в одежде, ни в речи и дальше по списку, но! Открыв дверь, до нее дошло значение. То, что она видела перед собой, ввергло ее в ступор, отчего челюсть, без сомнения, отвисла, так как отяжелела и не двигалась, просто чужой стала.

— Не узнали меня, Зоя Артемовна?

Как же, как же! Этот красный рот, растянувшийся в искусственной улыбке до ушей, эти лисьи глазенки, готовые скушать и не подавиться, а также личико аферистки невозможно забыть. Наконец челюсть задвигалась, а то уж думала, паралич хватил. Зоя Артемовна выговорила настороженно, растягивая слова от истинного потрясения:

— Почему же, узнаю...

— Извините, я сюрпризом. Вы хоть впустите нас.

Зоя Артемовна собралась захлопнуть дверь перед носом бывшей невестки, но... из-за Лоры выглянул белобрысый и худенький мальчуган лет семи.

— Тимоша, поздоровайся с бабушкой, — поспешно подсказала мальчику Лора. Видимо, нутром

почуяла, что бывшая свекровь сейчас скончается от «счастья», видя перед собой нежеланное явление, а смерть и последствия не входили в ее планы.

— Здравствуйте, бабушка Зоя, — сказал очень серьезно мальчик.

Первое впечатление от Тимоши — ребенок хороший, но Зое Артемовне не до него, внутри нее все клочкотало, сопротивляясь внезапному явлению, а сердце заходило от дурных предчувствий. Ну не может Лорик предстать пред очами лишь для того, чтобы показать свою улыбку и выпить чайку с пряником в память о прошлой нервотрепке. Эта особь ничего просто так не делает.

— Нам можно войти? — изобразив на лице растерянность, спросила Лора. — Мы очень устали, хотим пить... а Тима еще и голоден.

Зоя Артемовна перевела взгляд на ребенка, не могла она обидеть мальчика, прогнав вместе с Лорой и его, но и выговорить единственное слово «заходите» не получилось, оно застряло на языке. Она молча отступила, нехотя открыв дверь. Лора втащила два чемодана на колесиках и большую сумку, кажется, надолго запланировала остаться, ну, это она зря придумала. Ох, если б не ребенок, бывшая невестка... Страшно подумать, что с ней могла сделать бывшая свекровь, которая никогда не лезла в отношения сына с женой, если эту выдру можно так назвать.

В прихожей Лора сняла рюкзачок с плеч худенького Тимы, затем довольно легкую курточку, а ведь холодно — октябрь подходил к концу, и спросила, где можно руки вымыть. Она что-то весело лепетала в ванной под шум льющейся воды, а Зоя Артемовна задавалась вопросами: «Зачем она приехала? Что ей

нужно? Как узнала адрес?» Но вот неожиданные гости вышли из ванной.

— Проходите на кухню, — указала направление Зоя Артемовна обреченным жестом, законы гостеприимства приказывают накормить ребенка.

Разумеется, перед этой... она тоже поставила тарелку — пусть ест, черт с ней, может, станет сытой и уберется. И поймала себя на мысли, что зря в Доме детского творчества ее называют самой выдержанной и доброжелательной, сейчас она едва сдерживалась, а доброжелательности по отношению к Лорику не может быть по определению. Однако ребенок отвлек, он ел с большим аппетитом, видно, стерва Лорка держит его на диете, с нее станется. При мальчишке Зоя Артемовна, педагог со стажем, не могла задавать неудобные вопросы, она дождалась, когда он поест, выпьет компот с булкой и встанет со словами:

— Спасибо, бабушка Зоя, было очень вкусно. Можно я за компьютером посижу?

«Бабушка» открыла было рот, чтобы отказать, но... За комп сына Павлика никому нельзя, а она сама как раз работала, куча окон интернета и файлов открыто, стол завален записями от руки, там только ребенка не хватало, но ее опередила Лора, погладив мальчика по щеке:

— Конечно, милый, ноутбук в большой сумке, сам возьми... Зоя Артемовна, где Тимочке расположиться?

Эту заразу нельзя оставлять одну, вилки утащит и на голубом глазу скажет, что их не было, однако хмурая хозяйка поднялась:

— Идем, Тима, я покажу тебе очень удобное место. А ты? — повернулась она к Лоре. — Не поможешь ребенку с компьютером?

— Да он знает комп лучше меня и вас, — заверила та. — У Тимочки к точным наукам способности выше среднего.

Значит, стащит вилки, преследовала дурацкая мысль хозяйку. Она отвела Тиму в гостиную, усадила его в кресло перед журнальным столиком, убедившись, что он лихо справляется с ноутбуком, вернулась на кухню. Настало время поговорить с вторжением реанимированного зла в их с сыном жизнь, и, садясь напротив бывшей невестки, Зоя Артемовна приступила к допросу:

— Где ребенка взяла?

— Это мой сын! — с торжествующей интонацией выдала та.

— Да ну, — усмехнулась Зоя Артемовна, что означало: врешь.

— Да, Тимофеем мой сын и... Павлика.

Челюсть Зои Артемовны второй раз буквально отскочила, и это вовсе не фигура речи. Понадобилась пауза, чтобы собрать разрозненные мысли, которые едва не взорвали голову, реакция бесконтрольной оказалась и в форме эдаких невеселых смешков, еще бы — от такой-то новости:

— Ха!.. Ха-ха... Ха-ха-ха...

— Я думала, вы обрадуетесь внуку, — поникла Лора.

Зоя Артемовна налила себе чаю и в упор уставилась на гостью... Что ж, Лорка выглядела неплохо, можно сказать, почти не изменилась — глаза золотистые, волосы смоляные, кожа белая, губы алые, впрочем, губы в помаде. Короче, яркая, с соблазнительной фигурой (а не костями в кожаном мешке), сексапильная, хищная, а мужики от хищниц, говоря современным языком, тащатся. Так ведь и сына

Павла поймала на внешность, на женские коварные штучки, на умение прикинуться любящей овечкой, а Зою Артемовну не смогла обмануть. Наконец-то она сообразила, чем охладить бывшую невестку:

— Не разыгрывай передо мной любящую мамочку, я твои приемы актерского мастерства изучила и не поддаюсь больше жалостливому скулежу. Представить тебя матерью... тем более семилетнего мальчика...

— Тимочке шесть, точнее, скоро семь.

— Неважно. Думаешь, я поверю, что это сын Павлика?

— А чей же? — ничуть не смутилась Лора.

— Не знаю, — в ее же духе ответила беспечным тоном Зоя Артемовна, чуть-чуть придя в себя от первого и второго шока. — Да, ты могла его родить, но от другого, иначе прибежала бы еще шесть лет назад требовать денег и половину квартиры. А могла взять напрокат, могла попросту украсть, меня ты ничем не удивишь.

— Да посмотрите же, Тимочка похож на Павлика, просто вылитый, — заверила Лора, смеясь. — Я приехала познакомить его с сыном.

Зоя Артемовна скосила глаза в сторону выхода из кухни, борясь с искушением помчаться в гостиную, чтобы изучить и сравнить мальчишку... А ведь действительно: белобрысый, уши торчат... «О, боже, боже... — застонало все внутри. — Он и правда похож... Нет-нет-нет! Не может этого быть, не может».

— Зная ваше отношение ко мне, — в то же время щебетала Лора, — я не хотела ставить вас и Павлика в известность. — Но Тимочка подрос и стал спрашивать, кто его папа, я говорила правду ему: мы с твоим папой расстались. Детям всегда нужно говорить правду, согласны?

Но свекровь и бровью не повела, она мумифицировалась, уставившись на гостью немигающими глазами, как удав, и ожидая эпического сказания, достойного пера Достоевского, которое привело экс-жену сына в этот дом. Лора подготовилась к неласковому приему, поэтому реакция Зои Артемовны не смущала ее, она барабанила текст, написанный бульварным романистом:

— Но однажды я прочла статью... случай ужасающий! У молодой пары родился ребенок, через какое-то время выяснилось, он болен. Не помню, чем точно, но это и неважно. А при врожденных заболеваниях берут анализы и у родителей, так выяснилось, что они родные брат и сестра, представляете? В смысле родители родные... Ужас какой, а? Их папочка погулял вволю, сделал ребенка на стороне, не исключено, что не одного. А дети, став взрослыми случайно встретились, влюбились, поженились... Кто знает, сколько детей страдает от недугов из-за чьей-то распущенности.

— Не помню, чтобы ты была образцом нравственности, — сухо вымолвила Зоя Артемовна с каменным лицом.

— Люди меняются. — У Лорика на любые замечания готов ответ. — А когда появляются дети, весь мир становится другим. (Лирическое отступление не воздействовало на свекровь.) В общем, кармическая история напугала меня, да-да, напугала! Вдруг и с моим сыном случится подобное? Тогда я и решила познакомить Тимочку с отцом, понимаете? Вам как никому известно, какво воспитывать ребенка без отца, верно?

М-да, дело прошлое, но ничего не забывается, да и помнится в основном плохое. Муж ушел к другой, Пашка уже все понимал и был зол на отца, потом

любовница бросила бывшего, муж стал искать встреч с сыном. Зоя Артемовна с трудом уговорила Павлика не отвергать отца, который стал активно ему помогать, даже образование помог получить. А перед смертью разделил свое имущество поровну: ей — в благодарность, сыну — в наследство; его друзья устроили Павла в Следственный комитет, фактически он занял место своего отца, помогли и ей с работой. Вот такая тривиальная история, ударившая по нервной системе его самого — рано ушел из жизни, да и Зою Артемовну потрепала ситуация. О замужестве она больше не думала да и претендентов на ее руку не замечала, видимо, самая заурядная внешность женихов не привлекает.

— Поймите, я ни на что не претендую, — между тем трещала звонким и до противности оптимистичным голосом Лора. — Вся моя жизнь теперь подчинена сыну, он есть — и это многое меняет. Тима имеет право увидеться с отцом, раз уж так случилось, пусть они подружатся. Не бойтесь, на алименты не подам.

И что в данном случае делать? На дворе вечер надвигается, а тут — пожалте вам: Лорик притащилась из другого города вместе с «подарком», в происхождении которого Зоя Артемовна сильно засомневалась. Как быть? А был ли подобный казус еще у кого или так безумно «повезло» только Павлику и ей, его матери? Задача Зое Артемовне не по плечу, тут выход один:

— Ладно, с ребенком я тебя не выгоню на ночь глядя. Но запомни, мне твои излияния неинтересны, не верю ни одному твоему слову. Молчи, не надо ничего говорить, — упредила она порыв Лоры что-то сказать. — Павел будет с тобой разбираться, его это сын или ты по привычке врешь безбожно и не крестишься. Идем, покажу вашу комнату.

В глазах Лоры сверкнули радостные искры, она добилась своего. Дождавшись, когда незваная и нежданная гостя отправится в душ, Зоя Артемовна позвонила сыну:

— Павлик, ты когда будешь дома?

— Не скоро, ма, не скоро.

А ей не терпелось рассказать, показать, послушать обоих, она додумалась даже впервые отступить от правил, но Павлика наедине с этой выдрой не оставит, при ней будут отношения выяснять. В конце концов, Зоя Артемовна имеет полное право сделать собственные выводы на основании их общения, ведь это очень серьезно — Тимофей.

— Тут сюрприз тебя ждет, — сказала она в трубку. — Большой.

— В смысле? Что за сюрприз? Почему голос тусклый?

— Сам увидишь. Ты побыстрее, пожалуйста...

— Мама, не пугай. Ты не заболела?

— Я здорова, сын, здорова, — тяжело вздохнула она.

— Тогда извини, у меня два трупа. При всем желании и любопытстве не получится побыстрее, как ты просишь.

— Хорошо, — сдалась она. — В принципе, сюрприз никуда не денется, во всяком случае, до утра. Но помни, сын, я жду тебя, очень жду, ты уж не задерживайся.

Павел пожал плечами, озадачившись...

...трагическими нотками матери: с чего это вдруг? С другой стороны, если судить по интонациям, мама явно не больна, следовательно, все остальные про-

блемы несущественны. Разговаривая, он стоял у окна, наблюдая за быстро сгущающимися сумерками и глубоко осенним колером в саду, уже напоминающим зимний пейзаж в ненастную погоду.

Закончив диалог, Терехов повернулся лицом к лежащей на полу посреди комнаты молодой женщине и Антону Корикову, который сидел на раскладном стульчике у трупa и проводил первичные исследования. До него с женщиной работал криминалист Огнев, тогда как Антоша трудился над вторым трупом в дальней комнате. Да, два трупа, два! Мужчина и женщина, муж и жена, обоим чуть за тридцать — не самый подходящий возраст для перехода в мир иной.

Однако занимал Павла в данную минуту не труп, а расстроенный старший опер Феликс. За время совместной работы они крепко сдружились, не проходило ощущение, будто дружны с детства, а может, в прошлой жизни тоже, и позапрошлой. Феликс-красавец, брутал из киносаги о героях былых времен, Павел даже сравнить его с собой, лопухим и белобрысым, не пытался.

Друг сидел в кресле, по привычке вытянув длинные скрещенные ноги и подперев скулу кулаком; не отрываясь, он следил за манипуляциями Антона, при этом не говоря ни слова, а обычно балагурит. Но ведь убиты его знакомые, с обоими Феликс учился в одной школе, с парнем даже в одном классе, в подобных случаях выполнять обязанности сложно, он и не выполнял их, а смотрел, как выполняют другие. Павел опустился на диван рядом с креслом Феликса, дурацкая мысль пришла в голову не к месту: интерьеры у всех одинаковы, кресла всегда рядом с диванами, разница только в цене.

— Пришел в себя? — осторожно бросил вопрос.

— А я и не выходил из себя, — вяло буркнул Феликс, не взглянув на него, однако через паузу осведомился: — Кто звонил?

— Мама, — ответил Терехов. — Просила срочно приехать домой, конечно, я отказал. Тогда она предупредила, будто дома меня ждет сюрприз.

— Тамара родила, — догадался Феликс так же вяло.

М-да... история с Тамарой нелепая. Эту тему ребята старательно обходили, словно ничего не произошло, однако что-то треснуло между ними всеми, образовалась некая стенка, невидимая, но ощутимая. Видимо, Терехов перестал быть идеалом, надо же, какие высоконравственные достались ему друзья-колеги. И ничего им не докажешь, они-с не желают слушать, ну, а если честно, он и не пытался ничего доказывать, самому неловко. Однако ничего не бывает вечного на земле, когда-то и данная ситуация утрясется, сейчас на первом месте дело, и Павел, указав подбородком на труп женщины, спросил:

— Что думаешь по сему поводу?

Но Феликс не смотрел на него, а потому ответ его стал продолжением диалога:

— Что ты, Паша, козел.

Ого как хлестко. Ну, где-то как-то Феликс близок к истине, хотя истина тоже бывает двуличной и коварной, ибо на нее обычно опираются с разных ракурсов. И все забывают, что не редкость, когда обстоятельства не в состоянии исправить один человек, один вообще мало что может. Тамара — потерпевшая из первого дела Павла, кстати, следственная группа и сложилась с тех пор, ее муж оказался преступником, в СИЗО погиб странным образом, а сам

Павел познакомился с ней на пробежках в парке. Эффектная женщина Тамара, благожелательная, умная, но с большим недостатком — богатая, после смерти мужа наворованные деньги достались ей, а Павла после первой жены не тянуло второй раз наступить на грабли. У них были замечательные свободные отношения, никаких обязательств, казалось, все устраивает обоих. Нечаянно из головы Павла вылетело, что от секса вообще-то дети случаются, так и вышло.

— От тебя это слышать странно, — проворчал Павел, задетый за живое, а обиженный человек не бывает справедливым. — Уж ты-то погулял вволю.

Тут-то Феликс и обратил свой взор на друга, но монолог выдал хуже «козла», потому что прав, черт возьми, выдал индифферентным тоном, что тоже воздействует отрицательно на психику обвиняемого:

— А мне странно слышать про «погулял». Паша, когда я просто спал с девицами, зная, что никогда ни на одной не женюсь, то предохранялся сам. Но Тамара не мои бывшие девицы. Когда произносят при мне слово «элита», я представляю сразу ее, а не то, что нам показывают по телику. Она заслуживает любви, уважения, восхищения, тем более вот-вот родится твой наследник, хочешь ты этого или не хочешь. Почему же ты с ней так поступил?

— Как?

— Сам не догадываешься? Мы все крепко срослись, даже сроднились... ездили отдыхать к Венику в деревню. Все думали, у вас роман... нет, не так. У вас был роман, мы это видели. Вдруг Тамара беременеет, а ты — юрк в кусты.

— Я просто взял паузу, чтобы привыкнуть к мысли о переменах, но Тамара поняла по-своему мой тайм-аут...

Прервал обоих голос Антона Корикова:

— Господа, а ничего, что вас слышит даже труп этой несчастной женщины, не говоря уже обо мне?

Круглая рожица Антоши с сияющими глазами в любом состоянии не соответствовала замечанию, которым он намекнул, мол, не хочу быть свидетелем ваших разборок. У него реакции несколько глуповатые, точнее, театральные, вычурные, но парень он хороший, а специалист еще лучше, что нетипично для его возраста — двадцать семь лет.

— Извини, Антоша, — бросил ему Павел, а в паузе внутренне собрался, чтобы убрать из тона раздражение, правда, не смог не бросить упрек Феликсу: — Вообще-то я спросил, что ты думаешь по поводу убийства твоего одноклассника, а ты высказался, какой я есть негодяй.

— Иногда полезно послушать, что думает народ, — промямлил тот, указывая большим пальцем на себя.

— Ну да, все святые. — Буркнув, Павел встал и подошел к Антону. — Что расскажешь о девушке?

— Пока могу сказать, что следов насилия, а также борьбы не обнаружено, — воодушевился Корилов, его же кашей не корми, только дай порассуждать на тему трупов. — Значит, физической борьбы не было. Есть кое-какие подозрения, но проверю на вскрытии.

— А сейчас подозрения не выскажешь?

— Не хочу выглядеть треплом, Павел Игоревич, если мои подозрения не подтвердятся.

— Как скажешь, — не стал настаивать Павел.

— Еще: смерть наступила в одно время с убийством ее мужа, то есть примерно в промежутке с одиннадцати до часу ночи. А если точнее, с одиннадцати до двенадцати, но у нас не любит начальство, когда называется точный промежуток. Далее... Раз пистолет был в руке, может быть, она и убила мужа. А потом, выйдя из спальни, взяла и умерла. Бывает, смерть наступает внезапно и скоротечно.

— Н-да, очень убедительно, — покивал Павел. — Феликс, а ты что скажешь по этому поводу?

Тот, не переменяв прежней позы, молча пожал плечами, но ни слова. Павел опустил голову и уставился на женщину: молодая, красивая... была. Смерть подпортила красоту, впрочем, она никого не украшает, и если долго рассуждать об этом над каждым трупом, можно запросто заполучить психоз. Это просто тело, которое еще недавно бегало, любило, страдало, радовалось, а теперь оно всего лишь объект для подробного исследования.

В качестве следователя Павел работает недолго, но всегда, когда перед ним лежит молодой человек без признаков жизни, а он имеет дело в основном с убитыми, всегда думает: чем, интересно, этот человек жил? Почему он так рано освободил себя от земных забот или его кто-то освободил? Они могут быть жертвами, а могут быть мошенниками, преступниками, в любом случае эти люди сделали ошибку, которую называют роковой, ибо результат ее — смерть.

— Пал Игоревич... Пал Игоревич!

— А? — вышел из задумчивости Терехов, оглянулся и увидел в дверном проеме самого молодого опера в их группе Сорина. — Что такое, Женя?

— Я зову-зову вас...

— Извини, задумался. Есть новости?

Сорин, подходя к Терехову, свойственным ему легким тоном меланхолика, который в группе воспринимается с юмором, поведал:

— Странно, что вы ждете новостей от свидетелей, которые не хотят стать свидетелями, при том являясь соседями. Я дам на отсечение любую свою конечность, но гарантирую: соседи наверняка подглядывали в дырки забора. Выжал из них ноль информации, хотя я чертовски обаятелен... (Кориков хихикнул.) Да-да, обаятелен! — конкретно Антону сказал Женя. — Недаром на прошлом нашем деле меня кормили пирожками в деревне все тетки, услаждая мой слух сплетнями.

Терехов улыбнулся, ему нравились ребята, с которыми он сработался, в частности Жека Сорин. С первого взгляда на него вроде не впечатляет, а потом видишь, какой он славный, мальчишеского склада, к тому же интеллектуал, бесспорно, Женя вызывает симпатии.

— Сорняк, много говоришь, — тем временем поддал голос Феликс.

— А ты долго сидишь и много молчишь, — парировал тот, не обидевшись: беззлобные перепалки в их компании обычное дело. — Неопрошенные есть, народ в отъезде, на работе, в гостях и просто прикидывается глухим, не отвечая на звонки, будто их нет дома. Чем еще я могу стать полезен в этом доме скорби?

Феликс поднялся на ноги и пробубнил:

— Как ты надоел, Сорняк, своим высоким штилем. Не туда попал, тебе следовало в театральный податься, а не на прозаическую стезю òпера ступать.

— Не-е, — протянул тот. — Публичность не мое, к тому же не могу по заказу, только когда льется из души, как песня.